

РЕГИНА АЛЕКСАНДРОВНА КСЕНОФОНТОВА

Поистине человек предполагает, а Бог располагает. Ведь ничто не предвещало беды: 14 марта Регина Александровна благополучно прошла переекзаменацию на новый срок в должности старшего научного сотрудника. В отделе обсуждали план ее работы, она регулярно занималась перерегистрацией японских коллекций, консультировала коллег... И вдруг известие: 21 апреля Регину Александровну около дома сбила легковая машина, ехавшая с нарушением скорости, и она попала в больницу. Была надежда на выздоровление, казалось, что организм выдержит. Однако последствия ушибов оказались столь серьезны, что спасти ее не удалось – 11 мая 2000 г. Р.А. Ксенофонтовой не стало. Это трагическое известие поразило всех, кто знал ее, а ее знали многие.

Регина Александровна Ксенофонтова родилась 7 марта 1923 г. в Петрограде. Ее отец, Александр Петрович Ксенофонтов (1885–1942), служащий, русский, умер в блокадном Ленинграде, мать – Соломея Михайловна Куликовская (1889–1978), портниха, полька. На воспитание девочки определяющее влияние оказала мать, и неслучайно Регина при получении паспорта назвалась полькой; таково было ее самосознание. Какое-то время в школе она даже носила фамилию матери. В 1941 г. Регина окончила среднюю школу № 72 Петроградского р-на Ленинграда. Грядущая война заставила ее забыть все планы и увлечения. Уже в июле 1941 г. она пришла работать в машинно-счетное бюро завода № 212, который 6 сентября эвакуировался, и молодая девушка вынуждена была искать новую работу: с сентября 1941 г. по февраль 1942 г. она, браковщица фабрики «Граммофон», тяжело болела и, едва выздоровев, с мая 1942 г. по февраль 1943 г. трудилась в сборочном цехе завода № 531. В феврале 1943 г. Регина Ксенофонтова принимает неординарное мужественное решение: добровольно поступает в военно-морскую школу и служит в Первом отдельном дивизионе спецслужб НКВД радисткой в звании красноармейца. Их центр радиоперехвата находился на окраине города в Шувалове. По отзывам коллег, она была отличным специалистом, имела отменный слух, что позволяло ей легко и быстро работать. В декабре 1946 г. Р.А. Ксенофонтова демобилизовалась и поступила на японское отделение восточного факультета Ленинградского государственного университета. Сбылась ее мечта школьных лет. В армии также все знали о ее увлечении Японией.

Учеба на Восточном факультете полностью захватила Регину, она училась увлеченно, занимаясь японским языком, литературой, историей. Когда представилась возможность поехать на практику для

совершенствования в языке, она, не задумываясь, выбрала Ташкент, где ей предстояло работать в качестве переводчицы у японских военнопленных, строивших в первые послевоенные годы здание Узбекского театра оперы и балета. При окончании университета 30 июня 1949 г. Государственная экзаменационная комиссия присвоила ей квалификацию япониста. В те годы проблема работы для востоковедов стояла особенно остро: они не были востребованы. Началась настоящая кочевая жизнь. С июля по декабрь 1949 г. Р.А. Ксенофонтова работала в Государственном Эрмитаже в должности научно-технического сотрудника, с 5 по 28 января 1950 г. – транскриптором-переводчиком Центрального картографического справочного бюро Гидрографического управления военно-морских сил, но была уволена в связи с сокращением штатов. Только через два с половиной месяца ей удалось устроиться на временную работу на должность научного сотрудника Дворцов-музеев г. Ломоносова. С 10 июня по октябрь 1950 г. она состояла от Ленинградского экскурсионного бюро сезонным экскурсоводом Китайского дворца в г. Ломоносове, после чего не могла сразу найти подходящую работу. Пришлось опять временно, с 7 февраля по июль 1951 г., устроиться научным сотрудником Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства. Пробыв почти полгода безработной, Р.А. Ксенофонтова в декабре 1951 г., наконец, приступила к работе в качестве экскурсовода Городского экскурсионного бюро, прикомандированного для проведения экскурсий в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого при Ленинградской части Института этнографии АН СССР. Это был счастливый выбор. Она влилась в дружный коллектив экскурсоводов, где тогда работали М.Н. Серебрякова, Т.К. Шафрановская, Р.С. Разумовская, И.Ф. Шаврина, Т.И. Ганюшкина и др.

Здесь Р.А. Ксенофонтова стала экскурсоводом высокой квалификации, самостоятельно разработала девять экскурсионных тем. Ее экскурсии отличали богатство и точность материала, умение выгодно подать его слушателям. В январе 1957 г. Р.А. Ксенофонтова в числе других лучших экскурсоводов была переведена в штат института на должность научно-технического сотрудника и продолжала водить экскурсии по музею. Ее плодотворная экскурсоводческая деятельность многократно отмечалась как посетителями музея, о чем свидетельствовали положительные записи в книге отзывов, так и в приказах дирекции института: ей неоднократно объявляли благодарности и выдавали денежные премии.

Помимо вождения экскурсий Р.А. Ксенофонтова активно участвовала в пропаганде этнографических знаний, регулярно публикуя популярные статьи в таких широко известных в свое время изданиях, как «Хочу все знать», «Глобус», «Вокруг света» и др. Работа в институте, несмотря на большую экскурсоводческую нагрузку, позволяла ей заниматься и научно-исследовательской деятельностью. Так, в 1966 г. появилось ее первое крупное исследование – статья «Фарфор и фаянс Кутани в коллекциях МАЭ», опубликованная в XXIII выпуске «Сборника Музея антропологии и этнографии». В 1967 г. Р.А. Ксенофонтова совместно с Г.А. Гловацким создали одну из лучших экспозиций музея – «Культура и быт японского народа», которая и поныне остается его украшением. Все это позволило ей в 1968 г. перейти из научно-просветительского отдела в отдел Восточной и Южной Азии, Австралии и Океании, где она была назначена хранителем документации и иллюстративных материалов по этнографии народов Восточной Азии и хранителем экспозиции по Японии. Успешно справляясь с порученной работой, Р.А. Ксенофонтова продолжала целеустремленно заниматься научно-исследовательской деятельностью, опубликовав такие крупные статьи, как «Из истории собирания японских коллекций Кунсткамеры» (1969), «Японская керамика и фарфор в МАЭ» (1973) и др. Все это позволило руководству отдела поставить вопрос о повышении ее в должности: в 1970 г. она была избрана Ученым советом института этнографии АН СССР старшим научно-техническим сотрудником, а в 1972 г. – младшим научным сотрудником. 18 октября 1973 г. на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР в Москве она успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, текст которой был издан в виде монографии под названием «Японское традиционное гончарство XIX – первой половины XX в.».

Большую работу провела Р.А. Ксенофонтова по атрибуции японских и китайских коллекций Петровской Кунсткамеры. Методика этих определений наиболее полно изложена в статьях «Китайские коллекции Кунсткамеры МАЭ» (1980, в соавт. с А.М. Решетовым) и «Японский фарфор XVIII в. в МАЭ». В этнографическом японоведении ее интересовало буквально все: чайная церемония и японская одежда, традиционные праздники и фольклорные образы, воплотившиеся в японской гончарной продукции, традиционная культура любви у народов Восточной Азии и современный быт. Много сил она положила на создание уникальной монографии «Японский традиционный орнамент», для которой художницей К.Б. Серебровской было сделано большое количество иллюстраций. В последние годы Р.А. Ксенофонтова исследовала феномен японских кукол-кокси, начиная от проблем их происхождения и семантики и до современного их бытования. К сожалению, последние две работы остались неизданными.

Р.А. Ксенофонтова была признанным знатоком музейного дела. К ней обращались за консультациями коллеги из отдела и других подразделений института и неизменно получали необходимую помощь. С 1979 г. она – член Музейного совета института. С 1975 г. – заместитель заведующего отделом Зарубежной Азии по музейной работе. В 1981 г. она была по конкурсу избрана старшим научным сотрудником.

Р.А. Ксенофонтова занималась общественной работой: была членом институтской комиссии Красного Креста и Красного Полумесяца, казначеем кассы взаимопомощи, членом товарищеского суда при профкоме,

где ее за непредвзятость и честность называли «неподкупная, как Робеспьер». Р.А. Ксенофонтова была человеком безгранично честным, с твердыми убеждениями, верой в добро и справедливость. На нее всегда можно было положиться.

Р.А. Ксенофонтова прожила довольно трудную жизнь. Получая весьма скромную зарплату, она еще и содержала старую мать. Только в последние пару десятилетий она чувствовала себя в материальном отношении посвободнее. В 1980 г. она в составе туристической группы побывала в Чехословакии, но ей ни разу не удалось собственными глазами увидеть страну, изучению которой она посвятила всю свою жизнь. Не заслужила она и больших наград, но гордилась тем, что награждена медалями «За оборону Ленинграда» (1944) и «50 лет Вооруженных Сил СССР» (1971). Она дорожила военным братством и вплоть до недавнего времени участвовала во встречах с сослуживцами.

Регина Александровна была цельным и весьма своеобразным человеком. В ней сочеталось многое. Она любила не только Японию, ее культуру, народ, но и интересовалась буквально всем. Казалось, мимо нее не проходила ни одна значительная научная новость, ни одно событие в стране и в мире. Она увлекалась трудами Кастанеды, НЛО и в то же время была верующей католичкой. Ничто человеческое не было ей чуждо. С ней можно было беседовать долго и интересно на многие темы, и по всякому поводу у нее было свое устоявшееся мнение.

Прах Р.А. Ксенофонтовой покоится в колумбарии Санкт-Петербургского крематория рядом с прахом ее матери.

С уходом из жизни Р.А. Ксенофонтовой наука потеряла крупного исследователя культуры и быта японского народа, большого знатока музейного дела, честного, принципиального, доброго человека. И мы еще очень долго будем чувствовать ее отсутствие и с искренней благодарностью вспоминать ее. Вечная ей память!

А.М. Решетов

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ

Р.А.Ксенофонтовой*

- Духовое ружье // Хочу все знать. Л., 1959. С. 118–119.
Дети радуги // Вокруг света. 1960. № 9.
Древние колоссы // Хочу все знать. Л., 1960. С. 273–276.
«Белое пятно» стерто с карты мира // Глобус. Л., 1963. С. 166–170.
Детские праздники в Японии // Хочу все знать. Л., 1964. С. 273–280.
Белый раджа Саравака // Глобус. Л., 1965. С. 160–167.
Камень Солнца // Хочу все знать. Л., 1965. С. 253–258.
Японский фарфор и фаянс Кутани в коллекциях МАЭ // Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов: Сб. МАЭ. Т. 23. Л., 1966. С. 144–150.
Меркатор и его атлас // Глобус. Л., 1967. С. 313–316.
Японские коллекции Петровской Кунсткамеры (XVIII в.) // Тез. докл. науч. сессии, посвящ. итогам работы Ин-та этнографии АН СССР (Ленингр. Отд-ние) за 1966 г. (11–13 апреля 1967 г.). Л., 1967. С. 27–28.
К вопросу об истории японской столовой утвари // Тез. докл. годич. науч. сессии. Май 1968 г. Л., 1968. С. 54–55.
Одежда из бумаги // Хочу все знать. Л., 1968.
Путь в Япон // Глобус. Л., 1968.
Из истории собирания японских коллекций Кунсткамеры (XVIII – начало XIX в.) // Культура народов Зарубежной Азии и Океании: Сб. МАЭ. Т. 25. Л., 1969. С. 280–303.
Некоторые традиционные элементы японской столовой утвари // Тез. докл. годич. науч. сессии 1969 г. Л., 1969. С. 62–65.
Японский театр Но // Хочу все знать. Л., 1969.
Из истории собирания японских коллекций Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР // Краткое содержание докл. годич. науч. сессии Ин-та этнографии АН СССР. 1969 г. Л., 1970. С. 109–111.
По следам древних японцев // Глобус. Л., 1970. С. 386–392.

* Составитель В.Н. Кисляков.

- Три встречи с Лениным // Хочу все знать. Л., 1970.
- В мире японских народных игрушек // Хочу все знать. Л., 1971.
- О характере японской фарфоровой продукции Арита-Сага второй половины XIX – начала XX столетия (по материалам коллекций японского фарфора в Музее антропологии и этнографии АН СССР) // Краткое содержание докл. годич. науч. сессии Ин-та этнографии АН СССР. 1970. Л., 1971. С. 103–105.
- Japanese pottery making. late 19th and early 20th centuries // Countries and Peoples of the Pacific Basin. Summaries of Articles by Soviet Scholars. М., 1971. P.73–77.
- К вопросу о традиционных методах формовки в японском гончарстве // Краткое содержание докл. годич. сессии Ин-та этнографии АН СССР 1971 г. Л., 1972. С. 64–66.
- О характере керамического производства Японии во второй половине XIX – начале XX в. // Страны и народы Востока. Т. XIII. Страны и народы бассейна Тихого океана. Вып. 2. М., 1972. С. 168–175.
- Коллекции японской керамики и фарфора второй половины XIX – первой трети XX столетия в МАЭ // Культура народов Зарубежной Азии: Сб. МАЭ. Т.29. Л., 1973. С. 95–131.
- Опыт периодизации истории гончарства феодальной Японии // Краткое содержание докл. годич. науч. сессии Ин-та этнографии АН СССР 1972–1973 гг. 23–26 июля 1974 г. Л., 1974. С. 113–114.
- Опыт атрибуции японских фарфорово-керамических коллекций (XIX – первой половина XX в. из собраний МАЭ) // Краткое содержание докл. годич. науч. сессии Ин-та этнографии АН СССР. 1974–1976 гг. 26–29 сентября 1977 г. Л., 1977. С. 121–122.
- Японская одежда // Одежда народов Зарубежной Азии: Сб. МАЭ. Т. 32. Л., 1977. С. 111–149.
- The MAE collections pertaining to the peoples of Asia outside the USSR // General Problems of the South Asia. М., 1978. P.228–239 (in collab. with V.N. Kislyakov, A.M. Reshetov, I.V. Suslova).
- К вопросу становления орнамента на японской керамической продукции XIII–XVI вв. // Краткое содержание докл. сессии Ин-та этнографии АН СССР, посвящ. 100-летию создания первого академического этнографо-антропологического центра. Л., 1980. С. 87–88.
- Китайские коллекции Петербургской Кунсткамеры // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. К 100-летию образования первого академического этнографического центра: Сб. МАЭ. Т. 35. Л., 1980. С. 114–134 (в соавт. с А.М. Решетовым).
- Японский фарфор XVII–XVIII вв. в собрании МАЭ // Там же. С. 144–150.
- Японское традиционное гончарство XIX – первой половины XX в. (историко-этнографическое исследование). М., 1980. 192 с.
- Фольклорно-культурные образцы японской гончарной продукции начала XX в. // Материальная культура и мифология: Сб. МАЭ. Т. 37. Л., 1981. С. 67–80.
- Международный обмен коллекциями Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР // Краткое содержание докл. науч. сессии, посвящ. основным итогам работы в X пятилетке. Л., 1983. С. 93–94 (в соавт. с В.П. Курьелевым).
- Японская одежда XVIII в. в собрании МАЭ // Там же. С. 62–64.
- К вопросу о типологии неолитического орнамента Кореи // Краткое содержание докл. годич. науч. сессии Ин-та этнографии АН СССР. 1983 г. Л., 1985. С. 23–24.
- Старинная корейская керамика // Корейские и монгольские коллекции в собраниях МАЭ: Сб. МАЭ. Т. 42. Л., 1987. С. 32–64.
- Современные кокэси // Кюнеровские чтения. 1993–1994 гг. Краткое содержание докл. СПб., 1995. С. 86–89.
- Традиционные японские куклы кокэси // Там же. С. 28–30.
- К вопросу происхождения японских кукол кокэси // Кюнеровские чтения 1995–1997 гг. Краткое содержание докл. СПб., 1998. С. 165–169.
- Корейская селадонная посуда в собрании МАЭ // Там же. С. 79–81.
- Праздник девочек в Японии // Наш следопыт. СПб., 1998. № 8.
- Праздник мальчиков в Японии // Наш следопыт. СПб., 1998. № 9.
- О временной экспозиции «За пологом Весеннего дворца или Культура любви в традициях народов Восточной Азии» // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1999. Вып. 8–9. С. 218–226 (в соавт. с А.Ю. Сеницыным, А.М. Решетовым).